

Сяо Жэнь показался ему смутно знакомым, но вспомнить, где именно они встречались, не удалось.

Цзян Цзибэй был уверен: пока что он не может понять, что связывает нынешнего владельца этого тела — Чжоу Со — с человеком, стоящим перед ним.

Он как раз раздумывал, как бы перехватить инициативу, когда Гу Чи заговорил первым:

— Пойдем после уроков к учителю вместе?

Голос звучал немного отстраненно, но приятно.

Цзян Цзибэй замер на секунду, осознав, что под учителем Гу Чи подразумевает Бай Циньжун. Выходит, он тоже живет у нее. Неудивительно, что лицо показалось знакомым.

— Хорошо, — Цзян Цзибэй прямо посмотрел в глаза Гу Чи, слегка приподнял уголки губ и одарил его мягкой, естественной улыбкой. — Но, может, нам для начала стоит вернуться на занятия?

Вступая в противостояние с достойным противником, Цзян Цзибэй отлично умел просчитывать психологию оппонента и эффективно использовать свои внешние данные. Он часто первым делом ставил себя в позицию послушного и слабого существа, а обманчиво нежная улыбка была одним из его способов заманить добычу в ловушку.

Сейчас взгляд и выражение лица были что надо.

Оставалось лишь дожидаться, когда добыча клюнет.

К его удивлению, на уловку Цзян Цзибэя Гу Чи никак не отреагировал. Его взгляд задержался на лице собеседника лишь на полсекунды, после чего он развернулся и бросил:

— Идем.

Глядя на спину Гу Чи, Цзян Цзибэй удивленно приподнял бровь, а на его губах заиграла ироничная усмешка:

— Хорошо.

Похоже, он встретил достойного соперника. Занятно.

Цзян Цзибэй не спеша последовал за Гу Чи, держась на расстоянии полушага, и непринужденным тоном попробовал прощупать почву:

— Ты ведь тоже здесь недавно, верно? Почему я не видел тебя, когда только пришел?

Услышав это, Гу Чи обернулся и взглянул на него:

— Я был здесь всё время, это ты не обращал внимания.

— Вот как, значит, я был невнимателен, — Цзян Цзибэй прекрасно понимал, что тот лжет. — А ты любишь кино?

— Иногда.

— Тогда... как тебя зовут?

— Гу Чи.

— Я имею в виду, — Цзян Цзибэй сделал паузу и с улыбкой спросил, — твое настоящее имя.

— Меня зовут Гу Чи, — Гу Чи снова посмотрел на него, и выражение его лица стало холоднее.
— Это не сценический псевдоним.

Лжец.

Цзян Цзибэй мысленно усмехнулся, но на лице сохранил вежливую улыбку:

— Ты такой интересный.

В его голосе сквозила легкая насмешка. Гу Чи, похоже, это заметил, поэтому ничего не ответил.

Вернувшись в учебный корпус, они разошлись у дверей 1-го класса.

Это был урок литературы, который вела Бай Циньжун. Она же была классным руководителем у Хуан Цзе, Гу Чи, Чжудуцзи и остальных.

Стоило увидеть эту худощавую женщину с острыми чертами лица, как в памяти Цзян Цзибэя начали всплывать воспоминания о ней: скверный характер, беспощадная манера отчитывать учеников, а порой и привычка крутить им уши.

Как и ожидалось, в середине урока учительница Бай внезапно замолчала. Она уставилась своими выпученными, хищными глазами в одну точку. Из-за чрезмерной худобы ее лицо выглядело еще более грозно.

Секунду спустя учительница Бай быстрым шагом подошла к одному из учеников и вырвала телефон, который тот прятал под учебником. Она вцепилась в ухо мальчика и разразилась криками:

— Кто разрешил тебе играть в телефоне на уроке? Совести совсем нет? За все годы преподавания я не видела такого никчемного ученика, как ты!

Лицо мальчика мгновенно покраснело, черты исказились от боли и стыда, он начал тихо молить о пощаде:

— Учитель, простите, я был неправ...

Окружающие никак не отреагировали на внезапное происшествие. Они с отрешенным видом продолжали заниматься своими делами, словно привыкли к подобному.

Цзян Цзибэй отвел взгляд, опустил глаза в учебник и погрузился в раздумья.

Хотя действие фильма разворачивается в стране, в нем явно прослеживается корейский стиль ужасов, кардинально отличающийся от предыдущего гонконгского фильма про цзянши. В отличие от старых гонконгских ужастиков с их обязательными комичными элементами, корейские хорроры больше похожи на специфические социально-этические драмы, заставляющие зрителя задуматься о темных сторонах человеческой натуры и жестоких

реалиях общества, скрытых за оболочкой страха.

По сравнению с холодными и мрачными японскими фильмами ужасов, корейские тяготеют к более густым, насыщенным краскам. Эта насыщенность проявляется в демонстрации предельно жестокого насилия над телом, которое подается в кадре подчеркнуто хладнокровно. Они делают ставку на атмосферу: вместо привычных для западного кино кровавых сцен, корейцы предпочитают нагнетать ужас на психологическом уровне.

Это означает, что в фильме может быть немало кровавых сцен.

В большинстве корейских хорроров действие происходит в хорошо знакомой зрителю среде, например, в школе. А гипертрофированное описание насилия и убийств разрушает этот привычный покой, усиливая чувство тревоги и одновременно привнося дух некоего подрывного карнавала.

Увиденные ими странные фотографии на стенде, острые конфликты между одноклассниками и вызывающее поведение учительницы — всё это отлично подтверждало данные особенности. А само название фильма — Задира — содержало в себе глубокий подтекст.

Размышляя об этом, Цзян Цзибэй решил поискать подсказки на своем рабочем месте.

На парте ничего полезного не было, и он сунул руку в ящик. Там, в самой глубине, он нащупал кучку обрывков бумаги.

Что это...

Он удивленно приподнял бровь, невозмутимо вытащил руку и сделал вид, что ничего не произошло.

После уроков, едва Цзян Цзибэй вышел из класса с рюкзаком за плечами, он увидел, что Гу Чи уже ждет его у лестницы.

Заметив Цзян Цзибэя, Гу Чи склонил голову набок:

— Идем?

— Да, — кивнул Цзян Цзибэй.

Они всю дорогу молчали и вскоре вернулись к дому Бай Циньжун.

Дверь была не заперта, Гу Чи толкнул ее, и изнутри донесся смех подростков. Похоже, остальные жильцы уже вернулись.

Цзян Цзибэй бросил взгляд на прихожую: полка для обуви была забита до отказа, а лишние ботинки валялись на полу в беспорядке. Судя по количеству и размерам, у учительницы Бай жили человек восемь-девять.

Когда они вошли, сидящий на диване перед телевизором мужчина средних лет поднял голову и поздоровался:

— Чжоу Со, Гу Чи, вернулись?

Память Чжоу Со в голове Цзян Цзибэя мгновенно подсказала: это дядя Ли, муж учительницы

Бай, обычный чиновник из уезда, работающий с девяти до пяти.

— Да, — кивнул Гу Чи. — Дядя Ли.

— Здравствуйте, дядя Ли, — вежливо улыбнулся Цзян Цзибэй.

Переобуваясь, Цзян Цзибэй держал свои кроссовки в руках и замер в нерешительности. Столько обуви в куче... а вдруг у кого-то грибок?

Черт.

Гу Чи, стоявший рядом, видимо, догадался, о чем он думает, и просто отодвинул чужую обувь в сторону, освобождая место.

— Спасибо, — Цзян Цзибэй спокойно поставил свои кроссовки на свободное место, как будто услуга Гу Чи была чем-то само собой разумеющимся.

Войдя в гостиную, Цзян Цзибэй начал незаметно изучать планировку дома.

У учительницы Бай была четырехкомнатная квартира с двумя гостиными, довольно просторная. Супруги занимали хозяйскую спальню с отдельным санузлом, а дочь, учившаяся в другом городе, — вторую спальню. Поскольку она почти не бывала дома, дверь была заперта. Этот персонаж вряд ли был важен для сюжета, поэтому Цзян Цзибэй не стал заострять на нем внимание. Две оставшиеся комнаты были переоборудованы под общежития для мальчиков и девочек, которые пользовались общим санузлом.

Из-за большого количества жильцов в доме было очень тесно. Девочки хлопотали на кухне, готовя ужин, а мальчики отсиживались в своей комнате.

Цзян Цзибэй последовал за Гу Чи к мужской спальне. Как только Гу Чи открыл дверь, в лицо ударил густой запах пота и немытых ног.

Цзян Цзибэй был готов к такому: он заранее отступил на пару шагов, избегая прямого контакта с ядовитыми парами. Услышав, как Гу Чи тихо выругался, он невольно развеселился и позволил себе детскую, искреннюю улыбку.

Комната была крошечной: три двухъярусные кровати и общий квадратный стол занимали почти все пространство, а чемоданы приходилось запихивать под кровати. Санитарное состояние оставляло желать лучшего: тапки валялись где попало, а мусорное ведро было переполнено — казалось, его не выносили целую вечность.

В комнате находился только Толстяк, который лежал на кровати и играл в телефоне. От его дергающихся ног хлипкий каркас кровати скрипел, грозя в любой момент развалиться. Это и был тот самый Толстяк, о котором упоминали другие, по имени У Бинь — именно от него исходил кислый запах.

Увидев, что кто-то вернулся, Толстяк оторвался от экрана и окинул их своими мелкими глазками, хитро ухмыляясь:

— О, чудо какое, вы двое решили вернуться вместе?

Гу Чи прошел в комнату и, проходя мимо кровати, пнул ее:

— Сдохни, Толстяк, ты что, маринуешь себя как рыбу? Если сегодня не помоешься, я вышвырну

тебя вниз.

Толстяк, не меняя позы, уставился на лицо Цзян Цзибэй и сально улыбнулся:

— Эй, Чжоу Со, ты ведь обычно такой высокомерный, с чего это ты сегодня с Гу Чи спелся?

Цзян Цзибэй проигнорировал его, подошел к своей кровати и повесил рюкзак. По иронии судьбы, он и Гу Чи спали на одной двухъярусной кровати: Цзян Цзибэй наверху, Гу Чи — внизу.

Толстяк хотел было продолжить, но снаружи раздались крики девочек:

— Ужинать!

Он раздраженно повернул голову и рывкнул в сторону двери:

— Понял, понял! Не орите, как куры!

Девочки не остались в долгу:

— Толстяк, ты совсем страх потерял? Не ешь тогда, раз такой смелый!

Слушая эту грубую перепалку, Цзян Цзибэй нахмурился.

— Пошли есть, — Гу Чи повесил свой рюкзак и посмотрел на него.

— Угу, — кивнул Цзян Цзибэй.

За обеденным столом Цзян Цзибэй наконец увидел всех, кто жил под одной крышей. Как он и предполагал, вместе с Хуан Цзе здесь проживало восемь учеников — по четыре мальчика и девочки. Теперь он мог с уверенностью сказать: учительница Бай с мужем, Толстяк и покойная Хуан Цзе были NPC, а остальные — участниками игры. Хотя насчет Гу Чи, который не говорил всей правды, у него оставались сомнения.

Еда у учительницы Бай была простой: несколько обычных домашних блюд, большая миска супа из водорослей с яйцом, а также вареная кукуруза, батат и яйца, которые подавали к каждому приему пищи.

Сегодня на ужин были куриные крылышки в коле, которые исчезли со стола через пару минут, в то время как овощные блюда никто не трогал.

— Доедайте овощи, нельзя быть такими привередливыми, — нахмурилась учительница Бай. — Пусть каждый возьмет по кусочку жареной горькой дыни, это полезно для здоровья.

Пришлось подчиниться: нехотя, с кислыми минами, каждый положил себе порцию. Цзян Цзибэй, следуя общему примеру, тоже медленно положил себе горькую дыню. Он смотрел на кусочки в своей тарелке, и его лицо, обычно невозмутимое, исказилось в гримасе.

Цзян Цзибэй был разборчив в еде, особенно не выносил горького — он даже кофе без сахара не пил. Раньше, когда он пил кофе, Чи Сянь всегда смеялся, называя его человеком, который не может вынести горечи, и добавлял в чашку двойную порцию молока и сахара.

В тот момент, когда Цзян Цзибэй мучился, Гу Чи вдруг сказал:

— Не хочешь — отдай мне.

Цзян Цзибэй удивленно повернул к нему голову. Увидев спокойное выражение лица соседа, он не стал церемониться и переложил горькую дыню в тарелку к Гу Чи. Тот, даже не дрогнув, спокойно съел предложенное.

— Чжоу Со, ну ты и принц, то не ешь, это не ешь, — насмешливо заметила Линь Лили. — Неудивительно, что ты такой худой, ветром сдует.

Остальные, словно открыв Америку, начали подначивать их:

— Ого, Гу Чи помогает Чжоу Со доедать горькую дыню? Раньше вы вроде не были так близки.

— Эй, Гу Чи, я не ем морковь, помоги и мне, а?

Гу Чи даже глазом не моргнул и ледяным тоном ответил:

— Отвали.

— Эй, а вы помните, как однажды Хуан Цзе специально дала Гу Чи попить из своей бутылки? — с ухмылкой сказал парень по имени Сяо Жэнь. — Если бы Толстяк не заметил, у нее бы вышло — не прямой поцелуй! Фу, гадость какая!

Как только прозвучало имя Хуан Цзе, за шумным столом воцарилась мертвая тишина.

Цзян Цзибэй замер и искоса взглянул на Гу Чи. Тот ел с невозмутимым видом, никак не отреагировав.

Толстяк первым нарушил тишину:

— Эта дрянь была такой мерзкой, небось еще и плюнула туда украдкой. Гу Чи, как же тебя жаль, что такая в тебя влюбилась — аж тошнит при одной мысли.

Стоило ему заговорить, как атмосфера за столом снова оживилась:

— А разве мало она гадостей творила? Ночью, без света, в одной сексуальной майке звала Гу Чи в гостиную... Фу, распутница.

— Помню, как-то раз было холодно, она специально не надела куртку, чтобы прикинуться бедной и выпросить у Гу Чи одежду.

— Ха-ха-ха, если так подумать, Гу Чи и правда бедолага.

Все ели и продолжали поливать Хуан Цзе грязью, весело болтая, словно забыв, что девушка, которая еще недавно жила с ними бок о бок, уже мертва.

Наблюдая за их реакцией, Цзян Цзибэй почувствовал сильный дискомфорт. Участники игры слишком быстро погрузились в сюжет, они настолько естественно вжились в свои роли, что казались настоящими NPC. В предыдущем фильме про цзянши всё было иначе.

Но больше всего его удивила учительница Бай. Ученики всю насмехались над умершей одноклассницей, а она не только не остановила их, но и сделала вид, что ничего не слышит, продолжая спокойно ужинать.

Хуан Цзе... что же она такого сделала, что ее все так ненавидели?

— Хватит. Заткнитесь все.

К всеобщему удивлению, первым, кто решил положить этому конец, стал Гу Чи. Он холодно оборвал обсуждение, встал и, взяв свою посуду, ушел на кухню.

<http://bllate.org/book/21804/2256558>